

Сын Рима

Анастасия привлекала к себе внимание, как само собой разумеющееся. Это было следствием её статуса и внешности – мужчины не могли не бросать взгляды, когда она была рядом. Но пока она задыхалась, кашляла и била себя в грудь, другие мистики в бане открыто смотрели в нашу сторону. Она быстро взяла себя в руки, поставив чашку в сторону, но ущерб был нанесён.

После ночи охоты на Ворон и целого дня пьянства после, это было имя моего старого наставника, что сломало её непоколебимое самообладание. Это была не слишком обнадеживающая мысль.

— Ты... — сказала она, когда худшее прошло, — Ты серьёзно?

— Зачем мне лгать? — Иронично. Но в данном случае вполне обоснованно.

— Я могу придумать несколько причин. — Она покачала головой, убирая влажные волосы с лица. Её губы сжались, пока она обдумывала полученную информацию, зелёные янтарные глаза мерцали. — Как ты познакомился с ним, если можно?

Я нахмурился. Как ни странно, я не возражал против того, чтобы рассказать ей. Может, это была ядовитая ностальгия, а может, ей удалось очаровать меня, пока я не смотрел. Результат в любом случае был одинаковым. Однако мне было неприятно, что остальная часть купального павильона подслушивает. Я потянулся своим влиянием и отбил все цепкие руки, которые мог почувствовать своим Софическим чувством.

Все до единого Философы в павильоне вздрогнули. Степень вздрагивания была разной: одни приходили в себя за долю секунды и продолжали свои пустые разговоры, другие дёргались и поднимали рябь на воде. Все, как один, отпрянули. Даже здесь бани были не чем иным, как змеиными ямами, полными сплетен. От Рима до Греции всё под солнцем было одинаково.

— Ты привыкнешь к этому, — заверила меня Анастасия. — Не то чтобы они могли, что-то сделать с этой информацией. Они всего лишь дети.

Для культиватора её уровня, возможно. Но я был не намного выше этих людей, если вообще выше их. Многие из них были старше меня, их культивирование было более продвинутым. Но суть проблемы заключалась даже не в этом.

Я думал, что год, проведённый в цепях, уничтожил последние остатки моей гордости, но вот она снова заявила о себе. Я привык к уважению, которое мне оказывали в легионах, привык ожидать его, даже если никогда по-настоящему не заслуживал его.

— Ребёнок не боится пламени, пока оно не обожжёт его, — сказал я, сглаживая хмурый взгляд.

— Это был один из первых уроков, которые он мне преподал. Он сказал, что его долг – сжечь меня самому, прежде чем я брошу себя в огонь.

— Ты был молод, — сказала она, лишь наполовину вопрос.

Я прислонился спиной к мраморному бортику бассейна, прохладный камень приятно контрастировал с обжигающей водой: «Я был высокомерным ребёнком. Моя мать была убеждена, что мир вращается вокруг меня на атласной нити, а обязанности отца не позволили ему заметить, пока ущерб не был нанесён. Я никогда не был обожжён. Я был убеждён, что никогда не буду».

— Звучит знакомо, — сказала Анастасия, веселье ненадолго превозмогло её напряжение. — Мне интересно, что ты увидел в Грифоне, чтобы взять его в ученики. Но, в конце концов, ты был таким же.

В каком-то смысле, она не ошибалась.

— Грифон лучше, чем я, — всё равно не согласился я. Это стоило сказать, хотя я никогда не сказал бы это ему в лицо. — Я — плод всех трудов моих наставников. Грифон стал тем, кто он есть, вопреки его.

— К лучшему, и к худшему, — язвительно сказала она. Я слабо ухмыльнулся.

— К лучшему, и к худшему.

— Как он убедил тебя взять его? — спросила Анастасия. Это было достаточно просто.

— Его кузен вызвал меня на кулачный бой.

Анастасия моргнула: «Где он стоял?»

— Седьмой ранг Гражданского Царства.

Она поморщилась: «Полагаю, Грифон не очень хорошо воспринял его уход».

Я косо посмотрел на неё, нахмурившись: «Я не убивал его».

— Правда? — Анастасия посмотрела на меня как бы в новом свете. — Я не приняла тебя за милосердного человека. — Как будто пощадить ребёнка, который не знал ничего лучшего, было милосердием. Каждый раз, когда я забывал об этом, мир напоминал мне, какими мерзкими существами могут быть культиваторы.

— Он не представлял угрозы. — Я пожал плечами. — Я мог бы избить его в цепях.

— Грозный Легат в цепях, — размышляла Анастасия, возвращая себе часть своего дыма и поддразнивая. — Это зрелище я бы не отказалась увидеть.

Я закатил глаза и взял её чашку, глубоко отпив из неё. Вода была прохладной и освежающей. На краю чашки ощущался необъяснимый вкус инжира. Сладкий.

— Грифон, всё равно вмешался прежде, чем я успел сделать с мальчишкой слишком много, — продолжил я. — Он потребовал, чтобы я остановился. Сказал, что я уже достаточно повеселился.

— Ты, конечно же, привлёк его к ответственности за это?

Я слабо улыбнулся: «Да». — Эта борьба в пруде его семьи была первым случаем за целые месяцы, когда я почувствовал себя по-настоящему живым. Я знал, что и он чувствовал то же самое.

— Но он произвёл на тебя впечатление, и вот ты здесь, — сделала вывод Анастасия.

— И вот мы здесь.

Разговор заглох, Героиня вдруг заколебалась. Я вернул ей её чашку, приподняв бровь. Мы

зашли так далеко. Можем заодно довести это до конца. Анастасия взяла чашку, проведя большим пальцем по её краю.

— А что насчёт тебя? — наконец спросила она. — Как ты убедил своего мастера принять тебя?

— Никак. — На её пустой взгляд, я рассказал подробнее. — Я был на форуме с группой моих сверстников... — Не друзей. Не совсем, — ... и мы только что поймали пару воров нашего возраста, которые пытались нас обобрать. Мы решили, что возьмём руки, которые они сунули в наши кошельки, в качестве наказания, после того как мы их как следует пристыдим.

Воспоминание было странным сортом горько-сладкого. Постыдное, оглядываясь назад через призму моего молодого "я", но тёплое от того, к чему это в конечном итоге привело.

— Оглядываясь назад, я думаю, что они были братьями. Старший из них умолял нас взять обе его руки, а не по одной от каждого из них. Мы, конечно, отказались, и тогда он попробовал что-то другое и вместо этого спровоцировал нас. Настаивал на том, что мы поступим не лучше него, если окажемся в его положении и будем вынуждены выживать. — Я вздохнул. — Молодой патриций не мог вынести такого оскорбления, особенно в присутствии моих сверстников. Поэтому я предложил ему пари.

В этот момент Анастасия повернулась ко мне лицом, положив скрещенные руки на край бассейна и прижавшись к ним щекой. В её глазах был знающий блеск и устойчивый интерес.

— Любая крыса может украсть кошелёк, когда никто не обращает на него внимания, так я рассуждал в то время. Но чтобы это сделал молодой патриций? Это было настоящим испытанием мастерства. Я поспорил с ним, что смогу выхватить пять кошельков, не попавшись ни разу, и если мне это удастся, я заберу его воровскую левую руку и все пять пальцев правой. Одна рука за справедливость, и по пальцу за каждый раз, когда я докажу, что он не прав.

— Ты не подумал о том, что случится с тобой, если тебя поймают? Что ты поделишь его судьбу? — спросила Анастасия, ужасно весёлая. Я поднял руку, широко расставив пальцы.

— Молодой и самонадеянный. Неудача даже не приходила мне в голову.

— Но если он был прав, и ты действительно потерпел неудачу. Что тогда?

— Тогда он жил, чтобы залезть в другой карман, а его брат сохранит свои руки. — Я покачал головой, погружаясь в воспоминания. — Я украл четыре кошелька, не обратив на себя не единого взгляда. Но на пятом старик поймал меня за руку, когда я рылся в его одежде.

— Глупый мальчишка. Ты должен был остановиться на четырёх.

— Ты украл у?.. — Анастасия остановила себя, глаза расширились. — Вы с Грифоном подходите друг другу лучше, чем я думала.

— Я попытался украсть у него, — поправил я её с сухим весельем. — Но он видел меня с самого начала. Ещё с того пари, которое я заключил с плебеями. И вот он предложил мне собственное пари.

Мозолистые руки и суровое выражение лица. Нелепая борода, без которой я не мог его представить, и тщательно скроенные алые и белые одежды. Я никогда не забуду как он

выглядел в тот момент. Ужас, который я чувствовал.

— Правосудие быстрое, поэтому тебе нужно быть быстрее, — произнёс я слова, которые никогда не забуду. — Сотри эти преступления, пока их не обнаружили, или я заберу эту жадную руку.

— Вернуть четыре кошелька, — повторила Анастасия с недоверчивым весельем.

— Посреди форума в самый оживлённый час, и чтобы никто из них не заметил, — подтвердил я. — По сей день я не знаю как мне это удалось.

— А после того, как ты это сделал? Что случилось потом?

— Я подвернул хвост и побежал домой так быстро, как только мог. Он уже был там.

Обсуждал условия обучения с моим отцом.

Как выяснилось, Бушующее Небо очень серьёзно относилось ко всем аспектам гигиены. К тому времени, когда мы вышли из бани и вернулись к скамейкам на внешнем краю купального павильона, моё одеяние Розовой Зари исчезло. На его месте был свежий комплект одеяний цвета индиго. Они были более яркого фиолетового цвета, чем те, что носили Философы культа, и при ближайшем рассмотрении я увидел, что в рукава вплетены золотые нити. Ветвистые нити молний.

Похоже, это было следствием компании, в которой я находился. Рабы увидели Героиню в сопровождении незнакомого мужчины и решили проявить осторожность, предоставив мне такое же привилегированное обращение, как и ей.

Анастасия заверила меня, что раб вернёт мне мою одежду, как только она будет тщательно очищена, и пообещала, что выяснит всё, что сможет, о местонахождении моего наставника. Затем она ушла, чтобы заняться тем, чем-бы не занимались культиваторы в Бушующем Небе.

Я обнаружил, что последовал за потоком мистиков вверх по высеченным в камне ступеням на открытое плато. Так высоко на горе было столько же Гражданских культиваторов, сколь и Софических, и беглый взгляд не обнаружил ни одного героя на величественном плато. Оно было обставлено в том же стиле, что и различные залы симпозиумов Розовой Зари: по краям стояли кушетки для отдыха, в центре – столы, уставленные напитками, едой и всевозможными играми.

В отличие от Розовой Зари, плато было полностью открыто для стихий, открывая захватывающий вид на город-святилище внизу и благоговейный вид на Бурю, Которая Никогда Не Прекращается сверху.

Я выбрал кушетку подальше от суеты молодых мужчин и женщин, теснящихся в поисках признания и теряющих себя в безумном приливе алкоголя и хорошей компании. По всему плато велись всевозможные игры, некоторые из них искушали даже меня, но я довольствовался тем, что выбирал из небольшого блюда оливки и ждал, когда мне вернут одежду.

Я наблюдал, как мистики, за которыми я последовал сюда, состязались друг с другом в

шуточных играх, томно болтали с друзьями и напивались до бесчувствия. И пока время шло, я наблюдал, как те же мистики уставали от пьянства и дурачества и решали снять усталость ещё одним походом в бани внизу.

Как медленно двигалось время в таком месте? Неужели эти люди действительно живут так изо дня в день?

— Это прискорбно, не так ли?

Рядом со мной стояла женщина.

Я сдержал ругательство, подавив свою мгновенную реакцию и заставив кулаки разжаться. Молодая женщина вежливо сделала вид, что ничего не заметила.

— Потакание, — продолжила она, её голос был печальным. — Застой. — Она вздохнула и села на обеденную кушетку рядом с моей. — Это место занято?

— Теперь да, — сказал я, оглядывая её по периферии.

Она выглядела молодой, судя по тому, что можно было разглядеть. Примерно моего возраста, если не младше на пару лет. Это было трудно определить из-за вуали, закрывающей верхнюю половину её лица, золотистого солнечного плетения, которое скрывало её глаза и большую часть её белокурых кос. Она была тощей по сравнению с Элиссой и Анастасией, которые были подтянуты и вырезаны боями, но она не держала себя так, как остальные мистики на плато.

И одевалась она не так, как они. Вместо одеяний цвета индиго или других культовых одеяний, которые я видел раньше, на ней была чистая белая туника с золотыми солнечными лучами, вплетёнными в ткань. На талии у неё был завязан золотой пояс, и ещё один свободно свисал с бёдер. На её коже не было никаких изъянов, а ногти были покрашены.

Я протянул руку своего влияния, и она без колебаний взяла её в свою. От её присутствия исходило мощное тепло. Как будто греешься на солнце.

— Кажется, я не видела тебя раньше, — сказала она. — Каково твоё имя, культиватор?

— Солус.

— Рада познакомиться с тобой, Солус, — сказала она тихо и искренне. Прошло несколько моментов молчания.

— И твоё? — спросил я.

Она наклонила голову: «Ты не знаешь?» — Каким-то образом наглость задавания этого вопроса, была потеряна в её исполнении. Вместо того чтобы быть раздражённым, я обнаружил, что слабо улыбаюсь. Я протянул настоящую руку, наполненную оливками, и предложил ей одну.

— Просвети меня.

Девушка в золотой вуали взяла у меня оливку и положила её в рот. Она медленно жевала, наслаждаясь вкусом, и улыбнулась.

— Это Селена.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3289344>